

*Свидетели
эпохи*



ВЛАДИМИР
ЛИТТАУЭР



Русские гусары

Мемуары офицера
императорской кавалерии
1911 – 1920

Владимир Литтауэр Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=618475

*В.Литтауэр. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911 – 1920: Центрполиграф; Москва; 2006
ISBN 5-9524-2349-3*

Аннотация

Автор книги, ротмистр Владимир Литтауэр, честно и искренне рассказывает о годах учебы в Николаевском кавалерийском училище, службе в русской императорской кавалерии. О том, как воевал в Первую мировую и в Гражданскую против красных. Как его друзья, молодые офицеры, оказавшись на переломе эпох, стали свидетелями беззакония и развала государства, испытали поражение Белого движения и горечь эмиграции.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Литтауэр
Русские гусары. Мемуары
офицера императорской
кавалерии. 1911 – 1920

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я с огромным интересом прочел книгу ротмистра Литтауэра. Из всех книг, прочитанных мной по этой теме, книга «Русские гусары» показалась мне самой лучшей. К моему глубокому сожалению, мне не удалось приехать в Лондон во время недавнего посещения автором книги Великобритании. Мы могли бы вспомнить с ним старые времена, поскольку я был знаком со многими людьми царской России¹.

В 1918 году, несмотря на то что я был главой специальной британской миссии при советском правительстве, меня арестовали и выпустили из Москвы в обмен на Литвинова², арестованного в Лондоне в ответ на мой арест в Москве.

В начале XX века русская императорская армия имела много общего с европейскими армиями. Формировавшиеся годами полковые традиции спланивали солдат, старых и молодых. Полк ротмистра Литтауэра, Сумской гусарский, отпраздновал свою 250-ю годовщину в 1901 году и, хотя какое-то время существовал в качестве драгунского полка, не

¹ Роберт Брюс Локкарт впервые приехал в Россию в 1912 г. в качестве вице-консула. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

² Литвинов Максим Максимович (1876 – 1951) (настоящие фамилия и имя – Баллах Макс) – советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1918 г. был назначен дипломатическим представителем Советской России в Англии, однако британское правительство не признало его полномочий.

утратил традиций гусар.

Будучи младшим офицером, автор и его друзья весело проводили время в клубах и ресторанах Санкт-Петербурга и Москвы, в которых я тоже неоднократно бывал. В московских ресторанах гусар приветствовали полковым маршем, а в летние месяцы в саду ресторана «Яр» играл полковой оркестр. Это был самый известный и роскошный ночной клуб в Москве. В ресторане «Стрельна» царствовала Мария Николаевна. Цыганский хор, в котором солировала Мария Николаевна, выступал в национальных костюмах. В книге есть фотография такого цыганского хора в праздничных одеяниях, и вы можете представить, какими яркими были их выступления. В конце лета 1918 года ресторан закрыли. Думаю, что восхитительная Мария умерла в бедности, от расстройства чувств.

В армии была строгая дисциплина и тяжелые будни. Учения и дежурства, проходившие на самом высоком уровне, забота о лошадях, содержавшихся в образцовом порядке, неожиданные ночные проверки офицерского клуба и инспекции казарм, редкие отпуска и безденежье – все это вместе рождало чувство принадлежности к одной большой семье.

Я был свидетелем того, как патриотический настрой русских людей в 1914 году постепенно пошел на спад, когда стало ясно, что предстоит долгая война. Ротмистр Литтауэр и его кавалеристы никогда не теряли мужества, сталкиваясь,

казалось бы, с непреодолимыми препятствиями. Но русские не могли справиться с немцами.

Без жалоб на судьбу и излишней сентиментальности автор понятным языком излагает трагедию России, но мы даже не можем себе представить чувства автора этих воспоминаний, потерявшего страну, ставшего свидетелем распада и беспорядков, узнавшего об убийстве императора и офицеров, с которыми совсем недавно сражался против немцев.

Мне бы хотелось отдать дань его беспристрастной оценке собственных побуждений и чувств в книге, являющейся прекрасным вкладом в историю его времени тоже.

Роберт Брюс Локкарт

Часть первая

МИРНОЕ ВРЕМЯ

Глава 1

ДРУГОЙ МИР

В период с 1914 по 1917 год восточноевропейский театр военных действий явился последним местом в мире, ставшим свидетелем профессиональных действий кавалерии традиционного типа. Русская кавалерия, в которой я служил, насчитывала порядка двухсот тысяч человек. Мы действовали на территории, протянувшейся с севера от Восточной Пруссии по открытой местности и далее через болота, леса и горы к равнинам Румынии; около двух тысяч километров к югу. Мы сражались с вражескими кавалерийскими частями: «модернизированными» немецкими; такими же традиционными, как и мы, австрийскими и венгерскими, которые в начале войны были еще более традиционные (устаревшие), чем мы, бросавшиеся в бой под предводительством офицеров в белых перчатках. А с другими родами войск мы сражались даже чаще, чем с вражеской кавалерией.

Но я помню, что даже тогда наши методы ведения военных действий стремительно устаревали. В первые меся-

цы войны мы на себе испытали огневую мощь современного оружия. Шашки, сабли и пики не могли противостоять отвечающим современным требованиям артиллерии, пулеметам и даже скорострельным винтовкам, из которых пехота вела массированный прицельный огонь. И хотя нас учили бою в пешем строю (для этого мы были вооружены винтовками и штыками), мы не могли в полной мере соперничать в этом со специально обученной пехотой. И если нам удавалось одержать победу над таким же или даже большим, чем наше, пехотным подразделением, то исключительно благодаря более быстрой реакции и высокому боевому духу, а отнюдь не тренировке и оружию.

Теперь угроза одному из наших важнейших преимуществ, исключительной мобильности, появилась со стороны современных транспортных средств. Повсюду, где только позволяли дороги, появились небольшие армейские грузовики, и к немецким кавалерийским частям даже придавали пехотные роты на велосипедах.

Однако, несмотря на это, нам было чем заняться на широком и таком разнообразном фронте. Время от времени фронт прорывался с той или другой стороны. Война с переменным успехом могла тянуться неделями, и нам нашли правильное применение. Мы старались застать противника врасплох и не считались с потерями. Мы действовали великолепно, хотя и не всегда эффективно.

Хотя мы были вынуждены с неохотой признать, что ка-

валерия, как нас учили и мы сами всегда считали, больше не является владычицей полей сражений, способной одной безумной атакой решить исход боя, тем не менее мы продолжали воевать, в значительной степени сохраняя прежнюю веру в свое превосходство. Важнейшим элементом поставленной перед нами задачи была скорость, поскольку от нее в значительной степени зависел результат прорыва боевого порядка врага. А поскольку нам упорно внушали уверенность в том, что нам нет равных в рукопашной борьбе, мы стремились как можно быстрее достигнуть вражеских рядов. Я помню, как однажды, когда мы были вынуждены спешиться и залечь под немецким огнем, наш командир полка, вскочив и потрясая кулаком в направлении противника, воскликнул:

– Если бы мы только могли добраться до вас!

Исходя из заложенного в нас убеждения мы не использовали винтовки, находясь верхом. Если можно уничтожить врага с расстояния, то нет никакого смысла в особой спешке, и, кроме того, стрельба в положении верхом значительно замедляет атаку. Усилия, связанные с рукопашной, частично объясняют, почему мы в кавалерийских училищах так пренебрежительно относились к занятиям по рукопашному бою и почему сами училища придерживались старых методик по сравнению с теми, которые готовили офицеров для службы в других родах войск. Мы считали, что, когда придет время, сможем смело атаковать врага и ничто не помешает нам

сделать это. Шашки, сабли и пики были истинным оружием кавалерии. Каждый кавалерист в полку имел шашку, а половина полка еще и пики. Еще до того, как нам удавалось прорвать вражеские ряды, наше оружие неоднократно обга-рялось кровью.

Для тех, кто хорошо знаком с последней войной, мы можем показаться невероятно отсталыми, однако в 1914 году русская императорская армия превосходила многие армии. Для XX века только Германия действительно была готова к войне. Русско-японская война в прямом смысле потрясла нас множеством изменений, и за девять лет, прошедшие с ее окончания до начала Первой мировой войны, были проделаны серьезные шаги по модернизации русской армии. Кавалерию, в силу особой специфики, эти изменения коснулись в наименьшей степени. И хотя в 1914 году Россия могла противостоять Западу, она не была готова к продолжительной войне. У нас не было промышленности, способной обеспечить войска вооружением в необходимом количестве; многое должно было поступить из-за границы, в основном из Соединенных Штатов.

Несмотря на нехватку вооружения, мы оказывали достойное сопротивление. Большинство людей слышали о поражении русских при Таненберге в августе 1914 года, и только немногие знают, что почти сразу же мы перешли в наступление на южной части фронта и успешно заняли большую часть австрийской Галиции, дойдя до гребня Карпат и захва-

тив в плен 120 тысяч человек в крепости Перемышль. Это были не единственные наши поражение и победа. Война была длительной и кровавой, и судьба была изменчива.

Сегодня многие уже забыли, какой глобальной была Первая мировая война, какое огромное количество людей погибло и пострадало во время нее. Общее число раненых и убитых с обеих сторон составляло порядка 33 миллионов человек, включая 8 миллионов взятых в плен. Мы понесли огромные потери: 1 700 000 убитыми и 4 950 000 ранеными; 2 500 000 человек попали в плен³.

³ Сведения о людских потерях российских вооруженных сил в Первую мировую войну, встречающиеся в отечественных и зарубежных источниках, страдают в большинстве своем противоречивостью и разнобоями. Объясняется это прежде всего неодинаковой полнотой и достоверностью материалов, использованных исследователями, а также существенными различиями в методике подсчета потерь. В результате разница, например, в количестве погибших и умерших российских солдат и офицеров колеблется в опубликованных работах от нескольких десятков тысяч до одного-двух миллионов человек. В подтверждение этого факта приводим здесь ряд цифр безвозвратных демографических потерь русской армии, взятых нами из разных отечественных источников: 511 068 человек, 562 644 человек, 626 890 человек, 775 369 человек, 908 000 человек, 2 300 000 человек, 3 000 000 человек. Однако ни одна из приведенных цифр не может претендовать, по мнению известного демографа Б.Ц. Урланиса, хотя бы на приблизительную точность. Аналогичные расхождения в подсчете потерь русской армии имеют место и в зарубежных публикациях. Приводим здесь несколько цифр о количестве погибших русских воинов, показанных в ряде западных источников: 3 000 000 человек, 2 762 000 человек, 1 700 000 человек, 1 290 000 человек, 1 500 000 человек, 5 350 000 человек, 2 000 000 человек, 2 250 000 человек. «Определение потерь России в Первой мировой войне представляет довольно трудную задачу, – писал в свое время Б.Ц. Урланис. – Статистические материалы о потерях России очень противоречивы, неполны и часто недостоверны. Это отчасти и привело

На русской границе ведущие державы (Германия и Австро-Венгрия) имели большее количество войск, чем на французской границе. К примеру, в марте 1917 года на французской границе находилось 135 пехотных дивизий, а на русской 164. Что касается кавалерии, то ведущие державы сосредоточили на Востоке 24 кавалерийские дивизии и только одну на Западе. Эти данные относятся к периоду непосредственно перед русской революцией и не включают количество турецких частей, находившихся на Кавказском фронте.

Немецкие войска теснили нас по всему Восточному фронту, и мы удерживали только незначительную чужую территорию на юге. Когда началась революция, русские солдаты отказались идти в наступление, и наше так долго готовившееся, крупномасштабное контрнаступление так и не состоялось. Мы стали воевать со своими соотечественниками, вместо того чтобы сражаться с врагами.

Несмотря на множество серьезных исследований, связанных с изучением русского фронта и революции, в большинстве из них наблюдается тенденция пренебречь человеческим фактором. Однако историю делают люди, и, понимая это, мы должны учитывать и предпосылки событий, и людей, вовлеченных в их водоворот. Сегодня, чтобы понять тех офицеров и солдат из далекого прошлого, необходимо дать

к тому, что в мировой печати фигурировали фантастические цифры о русских потерях в войне 1914 – 1918 гг. Поэтому нужно критически разобраться в основных первоисточниках и затем подойти к определению наиболее достоверного числа русских солдат и офицеров, убитых во время этой войны».

некоторые пояснения.

Я служил в русской императорской кавалерии, а позже, с осени 1911 до весны 1920 года, в контрреволюционной армии. Как профессиональный военный, я был частью общества, жизнь которого резко отличалась от жизни в мирное время и во время Первой мировой войны, в период революции и последующей Гражданской войны. Никогда больше не прозвучит команда «Сабли наголо, пики к бою!». Дни, проведенные на службе в армии, не утратили прелесть новизны, поскольку я всегда любил рассказывать истории, связанные с этим периодом моей жизни. Скоро уже не останется никого, кто бы помнил события тех лет, тех людей, какими они были, почему так или иначе себя вели, чем занимались, мельчайшие подробности той жизни.

Прежде всего я представлю двадцать человек, которые будут наиболее часто появляться на страницах этой книги. Значительную ее часть составляют мои воспоминания о поведении этих людей в период серьезных изменений, происходивших в гарнизонной жизни в Москве, непрекращающихся боев на фронте и тягот революции. Незначительные случаи, вроде того, когда ординарец вытащил зубами пулю, застрявшую в ноге поручика Аршаулова, расскажут о нас больше любого подробнейшего описания боя, во время которого это произошло. В любом случае эти истории несут гораздо больше информации о нас, чем, к примеру, описания войны, которые я, обычный офицер, свидетель-очевидец тех

событий, представляю в качестве крошечных эпизодов гигантских стратегических операций, в которых так мало значили человеческие жизни. Кстати, как-то я читал воспоминания офицера наполеоновской армии, занимавшего весьма незначительное положение. В числе прочего он описывал, как принимал участие в боях у небольшой деревушки. В течение нескольких недель он идентифицировал эти бои с названием деревни, пока вдруг не понял, что участвовал в Аустерлицком сражении.

Небольшие истории, рассказанные в этой книге, служат в первую очередь фоном для действий отдельных участников событий, хотя, чтобы сориентировать своих читателей, я зачастую называю даты, географические пункты и места дислокаций. С той же целью в книге помещены карты, связанные в основном не с большими военными операциями, а с отдельными эпизодами войны.

Даже через сотни лет на основе имеющихся документов, планов и хода войн можно будет полностью восстановить картину, но истории человеческих жизней исчезнут вместе с нами, уцелевшими свидетелями тех дней. С годами ценность этих историй, естественно, возрастает, а сухие отчеты о выигранных или проигранных сражениях теряют свое значение. Именно поэтому я не собираюсь рассказывать о ходе войны на русском фронте и о революции. В этой книге мы найдете некоторые доселе неизвестные моменты истории России начала XX столетия.

Много из рассказанного мной типично для всей русской кавалерии, а что-то случалось только в полку, в котором я служил. В армии бытовало мнение, что «все русские кавалерийские полки в равной степени хороши», но это во все не означало, что все полки были похожи друг на друга. К примеру, это зависело от особенностей гарнизонной жизни. В Москве, где дислоцировался мой полк, городская жизнь предлагала множество разнообразных развлечений; многие офицеры погружались в пучину удовольствий, и это, естественно, не лучшим образом сказывалось на выполнении ими непосредственных обязанностей. Приятно проводить время позволяли себе в особенности молодые корнеты, поручики и ротмистры и большинство офицеров Сумского гусарского полка. Кроме того, как и в любом сообществе, всегда существуют несколько личностей, которые оказывают влияние на остальных и устанавливают некие правила, которые в конечном итоге могут превратиться в традицию. Мой полк отличала непритязательность в повседневной жизни, веселые застолья и дух независимости. Мы с уважением относились только к некоторым генералам, были не слишком высокого мнения об остальных и ни перед кем не заискивали. Естественно, я помню именно тех, в ком наиболее ярко проявлялись эти качества. Большинство офицеров, не обладавших ярко выраженной индивидуальностью, вели размеренный образ жизни, упорно трудились и, несомненно, были хорошими офицерами в мирное время, но это не повод,

чтобы рассказывать о них. Некоторые из этих офицеров, достойно служивших в мирное время, оказались бесполезны во время войны, в то время как те, кто весьма легкомысленно вел себя в Москве, с честью командовали эскадронами и полками во время решающих сражений.

Я попытался, насколько возможно, представить события в этих воспоминаниях под тем углом зрения, как виделись они мне, непосредственному участнику происходившего. Я был профессиональным солдатом, не воспринимавшим серьезно ни скуку, ни опасность, ни трагические события; свободно высказывавшимся о неудачах, мельком упоминая о проявлениях мужества и подшучивавшим и над тем и над другим. Я сознательно сохранил небрежный тон, в котором офицеры моего полка общались между собой в те военные годы. Чтобы драматизировать многие из рассказанных историй, следовало бы изменить и разрушить саму атмосферу, которую я пытался воссоздать на страницах этой книги. Простой, реалистический подход к жизни, преобладавший в нашем полку, был реакцией на философское направление XIX века в отношении «кавалерийской бригады», по-прежнему во многом задающей тон в армии.

Я уверен, что, обладая реалистичным взглядом на жизнь, способен через пятьдесят лет представить события в истинном свете, в отличие от стариков, которые обычно оценивают прошлое исключительно в розовом свете. Обычно такие воспоминания имеют значение только для самого рассказчи-

ка и его современников и более ни для кого.

С позиций сегодняшнего дня многое в этой книге, несмотря на весь реализм, может показаться странным и даже эксцентричным. Тот мир, о котором рассказываю я, мир русской кавалерии, был очень необычным даже для своего времени. Наши солдаты были не городскими, а деревенскими жителями; они являлись продуктом отсталой жизни отдаленных деревень, всего пятьдесят лет назад избавившихся от крепостничества. Офицерский состав поступал согласно собственным традициям и исповедовал собственные идеалы. Многие офицеры были выходцами из военных династий, которым с детства, а затем в процессе обучения в военных училищах внушались воинские традиции. Трудно было бы понять наше поведение во время войны и революции без краткого экскурса в годы учебы. Вот почему мои воспоминания начинаются с Николаевского кавалерийского училища.

Глава 2

НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРИЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ

Единственное военное училище в имперской России, *Corps des Pages* (Пажеский корпус), готовило офицеров для службы во всех родах войск. Остальные военные школы были специализированными заведениями: пехотными, кавалерийскими, артиллерийскими, военно-инженерными. Старейшим и самым значимым из трех кавалерийских училищ было Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге. В русской кавалерии его называли «славной школой» или просто «школой», и только в официальной прессе Николаевским военным училищем. Школа была основана в 1823 году.

В мое время в школе было два отделения, одно для казначьих юнкеров (у которых имелись и собственные школы), а другое для юнкеров регулярной кавалерии. Термин «кадеты» относился исключительно к воспитанникам средних военных школ; воспитанники высших специализированных военных школ назывались юнкерами. Обычно в кадетскую школу поступали в возрасте десяти-одиннадцати лет; и обучение в ней занимало семь лет. Таким образом, большинство юношей поступали в юнкерскую школу в семнадцати-восем-

надцатилетнем возрасте. В юнкерскую школу можно было также поступить после окончания обычной гимназии, предварительно пройдя строгий медицинский контроль. Новичок, окончивший гимназию, назывался на школьном жаргоне «курсантом с железнодорожного вокзала», другими словами, человеком без военного прошлого. Я был одним из них, а таких было немного.

В мое время казачье отделение насчитывало порядка 150 юнкеров, в то время как в нашем так называемом эскадроне было 105 курсантов. Поскольку казаки иначе сидели в седле, их седла, уздечки, форма, сабли, некоторые команды и формирования традиционно отличались от наших, занятия по военной подготовке проводились отдельно, но теоретический курс мы изучали вместе. Наши спальни были на втором этаже, а их на третьем. В столовой мы сидели по одну сторону главного прохода, а они по другую. Несмотря на такое тесное общение, между двумя отделениями русской кавалерии не было особой дружбы, и каждое отделение считало, что превосходит другое.

Большое, мрачное главное здание школы было построено в начале XIX века, и жизнь, проходившую внутри этого здания, нельзя назвать иначе как спартанской. Наш небольшой эскадрон делился на три взвода, и у каждого взвода была своя спальня. В спальне с высокими потолками в два ряда стояли койки. Высокий металлический штырь, вделанный в изголовье каждой койки, предназначался для сабли и фураж-

ки; на стоявший в ногах койки табурет ежевечерне аккуратно складывалась одежда. У стены под углом в сорок пять градусов поднималась до потолка лестница, на которой мы по утрам перед завтраком должны были выполнять обязательное упражнение: подниматься до потолка и спускаться с помощью рук. Я всей душой ненавидел это занятие. Вдоль другой стены тянулся длинный ряд составленных в козлы винтовок. В туалетных комнатах не было ванн или душа, только тазы. Раз в неделю нас водили в русскую баню, которая располагалась в отдельно стоящем здании на заднем дворе. Камердинеры были единственной позволенной нам роскошью – один на восемь юнкеров.

Курс длился два года. На школьном языке старшие назывались корнеты (младший офицерский чин в российской кавалерии до 1917 года), а «звери» было прозвище младших. «Звери» принимали присягу через месяц после поступления в училище. После этого их уже нельзя было выгнать за плохое поведение из училища в гражданскую жизнь; в таких случаях их отправляли на год в кавалерийский полк в качестве простых солдат. Это называлось «командовать полком». К вернувшемуся из полка в школу юнкеру другие юнкера обращались «майор» или «полковник», в зависимости от года обучения. Я знал пару «генералов прославленной школы», то есть тех, кто «командовал полком» дважды; они пользовались огромным уважением.

И преподаватели, и корнеты всячески старались сделать

для «зверей» первый месяц в школе, перед приведением к присяге, невыносимо тяжелым. Цель столь жесткой меры была очевидна: любым путем избавиться от слабохарактерных, нерешительных воспитанников. Ежегодно в течение первого месяца школу покидало большое число новичков. Я упорно держался, не собираясь отступить, но как-то, приехав домой на выходные, разрыдался.

К каждому «зверю» прикреплялся корнет, и на год они становились друг для друга «племянником» и «дядей». В обязанности «дяди» входило ознакомление «племянника» с традициями «славной школы» и не менее прославленной русской кавалерии. Мой «дядя» как нельзя более подходил для этой роли; сегодня, уже давно уйдя на пенсию, он тратит много времени на написание стихов, прославляющих военное прошлое. Он всегда считал, что хороший кавалерийский офицер обязательно должен быть отличным наездником, искусно владеть холодным оружием, быть дерзким, находчивым и, прежде всего, способным вести в атаку и при необходимости достойно умереть за «веру, царя и отечество».

Благородные юнкера довольно снисходительно относились к учебе. Одним из предметов был краткий курс артиллерии, вполне достаточный для того, чтобы при чрезвычайных обстоятельствах мы смогли развернуть орудие и стрелять из него. Юнкера свысока относились к этому предмету, считая, что понятие «наука» неприменимо к артиллерии. За первую контрольную работу по этому предмету я получил

наивысший балл, двенадцать. Вечером, когда мы сидели на соседних койках, мой «дядя» сказал:

– Ну, порадууй дядю. Расскажи, какую оценку ты получил сегодня по артиллерии.

– Двенадцать, – не скрывая гордости, ответил я.

– Ты понимаешь, что наделал? Ты опозорил нашу «славную школу»! В следующий раз ты должен получить ноль.

Я ничего не понял, но в следующий раз я сделал так, как мне было приказано, и довольный «дядя» заметил:

– Ты не безнадежен!

За несколько лет до моего поступления в школе прекратили преподавание такого весьма специфического для кавалерии предмета, как химия. На уроках химии юнкера сидели в белых перчатках, чтобы их руки не пострадали от реактивов и порошков. С таким отношением к учебе нельзя было рассчитывать, что занятия принесут особую пользу. Основную часть энергии юнкера отдавали физическим упражнениям. Во время этих занятий преподаватели не жалели нас, совершенно не интересуясь состоянием нашего здоровья. За два года учебы многие из нас получили серьезные травмы.

Как-то на уроке по артиллерии произошел такой случай. Во время урока в класс вошел начальник школы генерал Миллер. В это время у доски стоял юнкер, который не мог ответить на простой вопрос. Преподаватель, полковник артиллерии, увидев генерала, пришел в сильное волнение. Если бы он тут же отправил юнкера на место, это было бы подо-

зрительно; что ему оставалось делать? Преподаватель мгновенно сориентировался и объяснил генералу:

– Я уже выслушал ответ юнкера, но, перед тем как отпустить его, хочу задать ему главный вопрос.

Генерал Миллер одобрительно кивнул, а преподаватель мучительно пытался придумать вопрос, на который юнкер смог бы ответить. Наконец он спросил:

– Можно ли из орудия поразить цель, если она не видна?

Вопрос заставил юнкера задуматься, хотя любому известно, как происходит стрельба из артиллерийских орудий.

Итак, после нескольких минут мучительных раздумий юнкер вытянулся и бодро ответил:

– Если отдан приказ, то можно.

Генерал Миллер, сам выпускник Николаевского кавалерийского училища, очень довольный ответом курсанта, громко прошептал побледневшему от гнева полковнику:

– Отлично вымуштрованный юнкер.

Все наши преподаватели, кроме ветеринарного врача и преподавателей немецкого языка и русской литературы, были офицерами. С преподавателем русской литературы всегда можно было поторговаться, и не ради отметок, а из удовольствия.

– Ну что ж, – говорил преподаватель. – Ставлю вам восемь.

– Всего восемь? – спрашивал юнкер, демонстрируя удивление. – Мне казалось, что я заслуживаю одиннадцать или,

по крайней мере, десять.

Тут включался весь класс.

– Поставьте ему десять, Агапит Тимофеевич.

– Хорошо, – после минутного размышления отвечал преподаватель. – Я поставлю вам десять. Садитесь.

Однажды император во время посещения школы зашел на урок русской литературы, задал юнкерам несколько вопросов, а затем в течение получаса читал наизусть отрывки из произведений русских классиков. Агапит Тимофеевич был так взволнован и восхищен, что вместо того, чтобы обращаться к императору «ваше величество», неоднократно говорил «ваше превосходительство», словно перед ним был генерал. Подобное обращение не соответствовало и военному званию императора, который был полковником. Однако император не поправлял нашего преподавателя, а только улыбался.

Предметом, который вызывал интерес всех без исключения курсантов, была гиппология⁴.

На последнем экзамене по этому предмету мы, в числе прочего, должны были подготовить и подковать одно переднее и одно заднее копыто лошади.

С гораздо меньшим энтузиазмом мы изучали такой полезный предмет, как армейские средства связи: полевые телефоны, телеграф, гелиограф и азбуку Морзе. Кроме того,

⁴ Гиппология – наука о лошадях (устаревшее название). Современное название – коневодство.

в рамках этого курса мы изучали использование взрывчатых веществ для подрыва вражеских железных дорог и мостов. Впоследствии, уже во время войны, мне не раз пришлось горько пожалеть, что я так мало внимания уделял этому предмету.

Со всей серьезностью мы относились только к изучению воинского устава и всевозможных инструкций, нескольких небольших сборников, каждый от 150 до 300 страниц.

1. Внутренняя служба – в казармах, конюшнях и т. п.
2. Гарнизонная служба.
3. Субординация – взаимоотношения между подчиненными и стоящими выше по званию.
4. Учения.
5. Служба в действующей армии – разведка, боевые действия.
6. Тренировка лошадей.

Строевой офицер был обязан фактически вы зубрить эти брошюры, содержащие практические советы и инструкции.

Кроме того, делались попытки преподавания таких предметов, как военная история, тактика, картография, строительство фортификаций и управление тылом (самый нелюбимый нами предмет). Раз в неделю наш священник проводил уроки религии (в то время обязательный предмет во всех русских школах). И наконец, немец, профессор Брандт, обучал нас немецкому языку.

Брандт был очень старым; он уже преподавал немецкий

язык, когда наш начальник школы был юнкером, и даже еще раньше. В 1911 году, когда я поступил в кавалерийскую школу, Брандт был слегка не в своем уме и уже не отличал казаков и «эскадронных» юнкеров, хотя мы носили разные формы. Наугад выбрав любого из класса для ответа, вместо того, чтобы найти по списку, Брандт какое-то время пристально всматривался в юнкера и, отчаявшись понять, кто перед ним, спрашивал:

– Вы из эскадрона, мой ангел, или казак?

Еще один старик, генерал, обучал нас управлению тылом.

– Я так давно работаю здесь, так давно, что навидался всякого. И вы уже ничем не можете меня удивить, – частенько говорил он.

Генерал не утруждал себя ведением лекций, он просто громко зачитывал учебник и, если кто-нибудь из курсантов слишком досаждал ему своим поведением, прекращал чтение и обращался к нарушителю дисциплины:

– На каком слове я остановился?

Юнкер признавался, что не слушал чтение, и генерал, к примеру, говорил:

– Последним было слово «штаб». А теперь откройте учебник на странице сорок пять, найдите слово «штаб» и повторите это слово двадцать раз.

Многие из наших преподавателей были стариками и давно оставили надежду научить нас чему-нибудь, а вот командиры подразделений были настоящими солдафонами; с ни-

ми были шутки плохи.

Эскадроном командовал полковник Ярминский, которого юнкера между собой ласково называли «папа Саша». У него было слабое место: он обожал разглагольствовать перед эскадроном, не обладая талантом оратора. Стоило ему начать говорить, как мы уже знали, что вскоре он совершит какую-нибудь бестактность.

Папа Саша с семьей жил в квартире в одном из офицерских домов, и если вечером кому-нибудь нужно было срочно повидаться с ним, то к нему всегда можно было зайти домой. У Ярминского была очень красивая горничная, и один из юнкеров завел привычку вечерами заходить к папе Саше. Однажды юнкеру не повезло: папа Саша застиг его целующимся с горничной. Юнкера тут же арестовали, и на следующий день он предстал перед эскадроном. Папа Саша долго распространялся о безнравственности вообще и безнравственном поведении данного юнкера в частности и, подводя итог выступления, заявил:

– Кроме того, юнкер Юрлов, для кого я держу эту девицу – для вас или для себя?!

Примерно через месяц после того, как я был произведен в гусары, папа Саша принял командование 3-м гусарским полком, и мы, оба гусары, случайно встретились в ресторане. Постороннему человеку вполне могло показаться, что он наблюдает за встречей двух закадычных друзей. Школьные узы были невероятно сильны. К примеру, в театре или на ип-

подроме какой-нибудь старый генерал мог подойти ко мне, простому юнкеру, и представиться:

– Я такой-то. В таком-то году закончил «славную школу».

Все корнеты носили памятное кольцо, серебряное, в форме лошадиной подковы, с гвардейской звездой в центре на внешней стороне кольца и с надписью «Солдат, корнет и генерал друзья навеки», выгравированной на внутренней стороне. Эта фраза была взята из школьной песни; революция с невероятной легкостью убрала из песни слово «солдат».

Самым главным человеком в жизни юнкеров был офицер, в течение двух лет учебы командовавший классом (в моем классе было восемнадцать юношей). Таким ротным офицером был капитан Зякин, прикрепленный к нашему классу. Он изучал с нами воинский устав и инструкции и занимался физической подготовкой, за исключением фехтования и гимнастики. Но в первую очередь он отвечал за наше воспитание. При всем желании не могу сказать о нем ничего хорошего. Думаю, что он был плохим учителем, и его методы воспитания были чересчур жесткими, а временами даже садистскими. Во всяком случае, теперь мне видится это так.

Он учил нас ездить верхом с помощью длинного хлыста и, оглаживая им воспитанников по спинам, с издевательской вежливостью говорил:

– Прошу прощения, я собирался подхлестнуть лошадь.

После пары ударов хлыстом каждый из нас задумывался, кого же он в действительности хотел подбодрить: лошадь

или всадника? Если Зякин был в плохом настроении, то за любую ерунду, например за лошадь, затормозившую перед препятствием, запросто мог посадить под арест, оставить без увольнительной на выходные или поставить на час в полном обмундировании по стойке «смирно». Наказание называлось «под саблей», поскольку юнкер стоял по стойке «смирно» с саблей наголо. Частенько, когда капитан Зякин был недоволен классом в целом, он хватал первого подвернувшегося под руку юнкера, срывал с него фуражку, бросал на землю и топтал ее ногами, затем срывал шинель и тоже топтал ее ногами и, наконец, швырнув юнкера на землю, выкрикивал:

– Все без увольнений до Рождества! (Или до Пасхи, в зависимости от времени года.)

Его методы воспитания часто приводили к несчастным случаям. Лежащий без движения на земле юнкер был обычным явлением. В этих случаях капитан обходил вокруг пострадавшего юнкера и ехидно спрашивал:

– Никак ушибся?

– Все в порядке, – следовал стандартный ответ.

Тогда, по-видимому потеряв всякий интерес, капитан, царственно поведя рукой, бросал в пространство:

– Уберите его.

Мгновенно неизвестно откуда возникали солдаты и уносили юнкера.

Мне тоже пришлось услышать «уберите его»; тогда я силь-

но повредил колено. Две недели я неподвижно пролежал на спине, испытывая чудовищную боль от малейшего движения, а затем в течение месяца ходил на костылях. В это время нашу школу посетил император. Мне сказали, что, если император зайдет в лазарет, я должен неподвижно лежать на спине. Император приехал в школу, пришел в лазарет и зашел ко мне в палату. Единственное, что я помню, так это императора в форме полковника, входящего в дверь; а затем полный провал в памяти. Позже мне рассказали, что я быстро сел в постели и решительным голосом, как подобает хорошему солдату, ответил на несколько вопросов, заданных императором. Я не чувствовал боли; вот на что способен человек, когда ему девятнадцать лет.

Сегодня я понимаю, что, хотя Зякин был плохим воспитателем, он обладал способностью к муштре, поэтому наш класс был выбран для участия в показательном смотре в присутствии императора. Подобные смотры устраиваются теперь в Канаде для королевской конной полиции. Необычная программа смотра заканчивалась коронным номером. Всадник ослаблял подпругу, вытягивал из-под себя седло и, опираясь на седло левой рукой, а правой управляя лошастью, брал несколько низких препятствий. Класс, выполняя это упражнение, действовал согласованно, как один человек. Точность достигалась следующим образом. Мы скакали по огромному кругу, и каждый наездник должен был четко запомнить места, где необходимо сделать то или иное дви-

жение; ориентирами служили «окна» в округности. Самое неприятное, доложу я вам, что на период тренировок мы были полностью лишены увольнительных и много часов провели «под саблей», пока не достигли необходимой четкости выполнения упражнений. Когда император объявил, что доволен смотром, приказ о запрете увольнений был отменен. В процессе подготовки к смотру ненависть к Зякину достигла такого предела, что мы стали составлять план заговора, собираясь провалить выступление перед императором. Однако мы не посмели этого сделать, и, когда Зякин отменил свой приказ о запрете увольнительных, все тут же забыли о часах, проведенных «под саблей» или под арестом, и мы даже пришли к выводу, что Зякин, в конце концов, не так уж плох.

Школьная гауптвахта состояла из нескольких маленьких клетушек, в каждой из которых стояла койка, стол и стул; под потолком лампочка без абажура. Койкой служила деревянная полка, прикрепленная к стене. На ней не было ни матраца, ни одеяла. В качестве подушки арестованный использовал мундир, а одеялом служила шинель. Стены камеры постепенно покрывались именами и высказываниями прежних обитателей. Одна из надписей гласила: «Здесь жил корнет Козлов». Обычно юнкера находились под арестом только день или два. Они посещали классные занятия, но ели, спали и выполняли домашние задания на гауптвахте. Дежурный юнкер выводил арестованного из камеры и после занятий возвращал его обратно.

И все-таки я благодарен Зякину, ведь это он на втором году учебы содействовал присвоению мне звания капрала, что было важно при выборе полка. Задолго до окончания училища нас знакомили со списком вакансий в кавалерийских полках. Каждый юнкер имел право выбрать полк в зависимости от имеющихся у него отметок, но вахмистры и капралы обладали приоритетным правом выбора.

Я получил звание капрала при весьма интересных обстоятельствах. Зимний дворец, резиденция императора, постоянно охранялся силами полиции, в форме и в штатском. Кроме того, в охране Зимнего дворца по очереди принимали участие все петербургские полки и военные школы. Эскадрон Николаевской кавалерийской школы охранял дворец один раз в году. Мы занимали внутренние и внешние посты. Юнкера, заступившие на вахту, стояли по стойке «смирно» два часа; затем приходила смена. За сутки каждой смене приходилось отстоять четыре вахты. Во время отдыха мы находились в караульной комнате, готовые в случае боевой тревоги мгновенно вскочить на ноги; во время отдыха мы спали не раздеваясь. В тот памятный день я принимал участие в охране дворца. Мы как раз выходили из ворот, когда подъехал начальник нашего училища и тут же на Дворцовой площади, рядом с Александровской колонной, произвел меня в капралы «славной школы».

Мой пост во дворце находился в галерее героев Отече-

ственной войны 1812 года⁵.

На стенах висело более трехсот портретов военачальников, большая часть которых принадлежала кисти английского художника Джорджа Доу⁶.

Пост располагался в одном из углов галереи рядом с полковыми штандартами. Ночью в огромном помещении с единственным источником света – лампочкой у штандартов – было довольно жутко. Суеверный ужас навевали шаги идущей к посту смены караула, гулко отдававшиеся в анфиладе залов и коридоров.

Как-то во время дежурства у нас произошел неприятный случай. В соответствии с православным календарем 6 января отмечался праздник Крещения Господня⁷.

Каждый год в этот день из Зимнего дворца выходила торжественная процессия, которая следовала к Неве. Над зара-

⁵ В парадной части Зимнего дворца по проекту К. Росси была создана Военная галерея 1812 г. – памятник воинской славы России. Торжественное открытие галереи состоялось 25 декабря 1826 г., в годовщину изгнания французов из России. Солдаты кавалерийских и пехотных полков прошли по галерее торжественным маршем мимо портретов военачальников, под командованием которых они доблестно сражались в 1812 – 1814 гг.

⁶ Доу Джордж (1781 – 1829) – модный портретист, мастер гравюры, автор исторических полотен. Современников поражала его способность точно передавать облик модели, а также ловкость владения кистью. Русский император Александр I пригласил художника для работы над портретами Военной галереи 1812 г. в Зимнем дворце. За 10 лет работы Доу и его русские помощники создали 333 портрета героев Отечественной войны. Пушкин восхищался работами Доу, упоминая его «дивный карандаш», и в стихах называл Доу гением.

⁷ 6 января по старому стилю – 19 января по новому стилю.

нее сделанной полынней был установлен павильон. В этот праздничный день мы стояли в карауле в огромном зале вместе с кавалерийским караульным эскадронам. Император должен был пройти через этот зал, следуя из своих апартаментов на выход. Когда он вошел в зал, все «орлы» опустились вниз, и только наш штандарт замешкался и его наконечник коснулся пола на несколько секунд позже остальных. Наш бедный папа Саша был арестован. Он пытался скрыть от нас свой арест, рассказав, что ездил на охоту.

В связи с этим событием появилась карикатура, на которой был изображен папа Саша в костюме охотника, сидящий в клетке. Полковник пришел в восторг от карикатуры. Николаевская кавалерийская школа включала среднюю классическую гимназию, которая существовала на средства юнкеров. Помимо частных пожертвований, в школе ежегодно проводилась благотворительная выставка. Вот на такой выставке за довольно большую цену была продана карикатура на папу Сашу. Ежегодно за большие деньги уходила картина вахмистра, которую он традиционно называл «Властелин планеты». Картина всегда была одной и той же. Горизонтальная линия делила лист на две части: верхняя часть означала «небо», а нижняя «океан», или «пустыню». Но самое главное заключалось не в линии, а в надписи: «Властелин планеты Славная Школа такого-то года».

Хотя шпоры составляли часть нашей формы, «звери» не носили их в школьных стенах до тех пор, пока не заслу-

жили их. Они давались за успехи в верховой езде, и считалось большой честью оказаться в первой десятке получивших шпоры. Мне повезло, и я был одним из первых. 10 мая мы выехали в лагерь, и всем «зверям» позволили, наконец, надеть шпоры. Вручение первых десяти пар шпор сопровождалось традиционной торжественной церемонией. Вахмистр приглашал десять отличившихся «зверей» на роскошный обед, проходивший в комнате отдыха, и первую ночь после вручения шпор «звери» спали с тяжелыми восьмидюймовыми шпорами на голых пятках. Если проснувшийся среди ночи корнет кричал: «Не слышу звона шпор!», потерявшие надежду заснуть «звери» должны были позвенеть шпорами. Наутро вы понимали, что никогда не забудете это событие.

Это было частью издевательств, которым подвергались воспитанники школы. Правда, у нас издеательства носили не такой жестокий характер, как, например, в английских школах, где старшие мальчики превращали младших в своих лакеев. Мы, к примеру, должны были, если к нам обращался корнет, встать по стойке «смирно», демонстрируя уважение к старшему, и мгновенно вскакивать, если корнет заходил в комнату. Кроме того, «звери» должны были знать некоторые факты из истории русской кавалерии, которые не являлись частью обязательной программы обучения. Например, имена командующих всех кавалерийских полков, где дислоцировались их полки; уметь до малейших подробно-

стей описать их форму и т. д. и т. п. Мало того, мы должны были запомнить имена любимых девушек всех корнетов. Девушки постоянно менялись, и не было конца этой изнурительной процедуре запоминания девичьих имен. Корнеты наказывали «зверей» за хмурый взгляд, недовольный ответ, невыученное имя и еще за массу подобных «провинностей». Наказание главным образом сводилось к отжиманию от пола или приседаниям; нормой считалось сто приседаний или отжиманий, но иногда доходило и до пятисот. Поскольку эти упражнения развивали мускулы рук и ног, то считались полезными для будущих кавалеристов.

Эти принудительные физические упражнения и то, что практически постоянно приходилось принимать строевую стойку, ужасно выматывали и морально, и физически, зато с точки зрения армии оказывали положительное воздействие, развивая уважение младших к старшим по званию – даже если они поступили в школу всего на год раньше. Хотя все эти действия носили противоправный характер, офицеры, в свое время сами прошедшие через подобные испытания, закрывали глаза на издевательства старших над младшими. Мгновенно подавлялись только возникавшие иногда жестокие и оскорбительные формы издевательства.

Раз в год в школе устраивался конноспортивный праздник. Корнеты демонстрировали строевую подготовку, преодоление препятствий и даже романскую школу верховой ез-

ды⁸.

Казачи показывали джигитовку⁹, а «звери» так называемую скифскую школу верховой езды.

Для выступления «зверей» поперек манежа устанавливали три невысоких барьера. «Звери» на неоседланных лошадях, отпустив поводья, собирались у ворот манежа. Ворота открывались, и конюхи кнутами одну за другой выгоняли лошадей на манеж.

Представление длилось не более трех-четырех минут. Вместо того чтобы взять барьер, моя лошадь свернула в сторону, и я упал у стенки манежа. Надо мной были зрительские трибуны. Пятьдесят возбужденных лошадей мчались по манежу. Я поспешил подняться и, чувствуя крайнее смущение, скользнул взглядом по трибуне, и первым увиденным мной человеком оказался генерал. Не знаю, что мной двигало в этот момент, скорее всего, сила привычки, но я вытянулся

⁸ Романская школа верховой езды дошла до наших дней из глубины веков, сохранив свою классическую основу, сущность которой – в выработке равновесия лошади. При сборе корпуса центр тяжести животного смещается назад. Лошадь облегчает себе тем самым перед для более ловких маневров, резких смен направления движения. При этом всадник управляет лошастью шенкелем, наклонами корпуса и положением шпоры.

⁹ Джигитовка – каскад акробатических упражнений и трюков, выполняемых всадником на быстро скачущей лошади. В джигитовку входят прыжки на лошадь, вертушки на ней, перемахи, соскоки, езда стоя, пролезание под шеей или животом скачущего коня, поднимание предметов с земли вплоть до монет, езда одного всадника галопом стоя на двух лошадях и прыжки на лошадях через барьеры, групповые пирамиды.

по стойке «смирно». За этот дурацкий поступок меня поместили «под саблю».

Два раза в год мы принимали участие в балах, устраиваемых в женских гимназиях. Считалось, что мы должны получать удовольствие от посещения балов, но мы думали иначе. С одной девушкой нам разрешалось сделать только два круга по залу и поговорить после танца не более нескольких минут, и все это время за нами следили зоркие глаза пожилых дам, наблюдавших за поведением девушек. В любом случае, балы, согласно школьной традиции, не считались подходящим времяпрепровождением для благородных корнетов. Итак, два раза в год во время вечерней переключки папа Саша объявлял:

– У меня есть двенадцать приглашений на бал. Кто хочет пойти?

Он заранее знал, что ответом будет мертвая тишина, и поэтому тут же добавлял:

– Я сам отберу двенадцать человек.

После его заявления каждый из двенадцати в свою очередь спрашивал:

– Разрешите доложить.

– Докладывайте.

– Я не умею танцевать.

Каждый год Ярминский выслушивал эти объяснения, и поэтому у него уже был ответ.

– У вас есть две недели, чтобы научиться танцевать. За

час до отъезда на бал вы придете ко мне домой и покажете, чему вам удалось научиться за две недели.

Итак, перед отъездом на бал двенадцать несчастных юнкеров танцевали друг с другом в гостиной Ярминского, но, независимо от умения танцевать, все они отправлялись на бал.

Понятно, что наше присутствие на балах всегда приветствовалось. Чего стоила одна только наша парадная форма! Черный мундир с алой выпушкой, двумя рядами медных пуговиц, эполеты и трехполосный ремень – крайние полосы алые, средняя – черная. Темно-синие шаровары с красной окантовкой. Черные сапоги со шпорами. Летом – фуражка с алой тульей, а зимой – кожаный кивер, с султаном из перьев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.